

Юрий ДЮЖЕВ

г. Петрозаводск

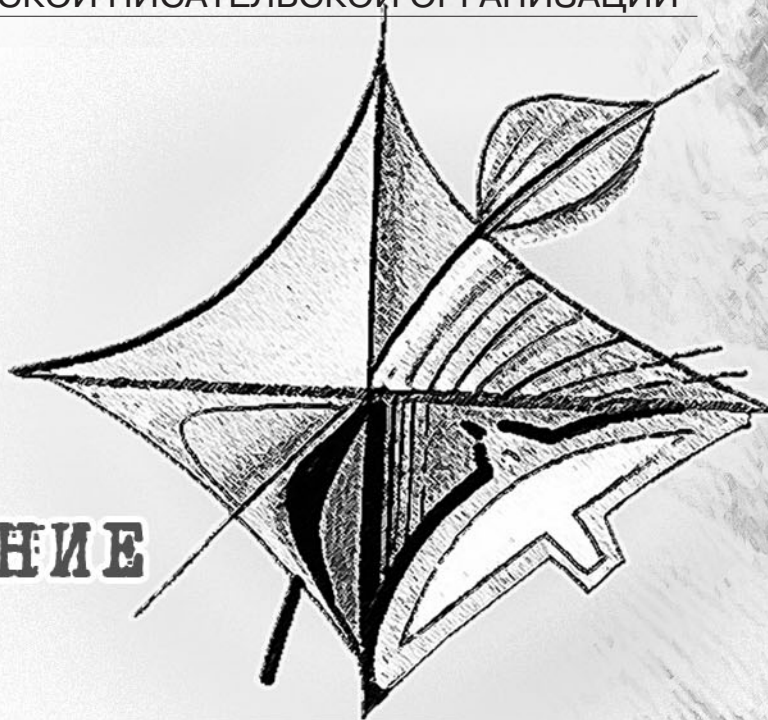
«К ПОЭТАМ БЫЛО ОТНОШЕНИЕ КАК К НЕБОЖИТЕЛЯМ»

(Мурманская поэзия 1960-х годов)

На Кольском полуострове в 1960-е годы заметно оживилась литературная ситуация. В сборнике «Заполярье – земля поэтов» (Мурманск, 1964) приняли участие сорок человек. Были среди них опытные литераторы, заявившие о себе в предвоенное десятилетие (Н.Гудовский, Р.Мусс, Т.Курьянов, К.Тюляпин, А.Соколовский), но подавляющее большинство участников коллективного сборника только начинали творческую жизнь. Способствовала росту числа молодых поэтов и повышению качества их стихотворной продукции работа литературного объединения, организованного Александром Борисовичем Тимофеевым. Располагалось оно в одном здании с Мурманским книжным издательством. Костяком объединения были Виктор Тимофеев, Владимир Смирнов, Владимир Семёнов, Борис Романов, Владимир Сычев, Александр Шепелев, Владимир Сорокажердьеv, Марина Мельницкая. «Эти люди меня во многом сформировали и сами формировались вместе со мной, – вспоминал В.Семёнов. – Взаимоотношения были замечательные. Почему Мурманск вообще стал для меня родным? Именно потому,

что я почувствовал родство с теми людьми, которые меня здесь встретили... Мы дружили... День рождения кого-то из нас становился общим праздником... К поэтам было отношение как к небожителям»¹.

В биографии участников названного выше сборника было нечто общее: большинство из них родилось за пределами Кольского полуострова и приехало на Север в поисках интересной работы, новых друзей и ярких впечатлений. Виталий Исаенко родился в 1924 году в Запорожье, после семилетки работал электриком и в двадцать лет приехал в Заполярье. От имени своего поколения в стихотворении «Двадцатилетние» он сравнивал свою профессию с искусством врача: «Я иду изолировать / электричеству раны». Владимир Петруничев (р.1942), уроженец Вологодской области, после окончания школы отправился в Мончегорск, работал слесарем-инструментальщиком на механическом заводе и заочно учился на историко-филологическом факультете Мурманского пединститута. В стихотворении «Утро» молодой поэт видел радость «в каждой улыбке, в каждом доверчивом взгляде / спешащих к труду людей».

Первое собрание Мурманской писательской организации

Александр Шепелев родился в 1935 году в Калининине, окончил педагогический институт и с 1956 года жил и работал в Мурманске журналистом. В стихотворении «Руки» он славил молодых работников, которые «валили лес, долбили мерзлый грунт». Виктор Тимофеев (1940–2015), уроженец слободы Боровой на Харьковщине, по окончании школы отправился на Кольский полуостров и, отучившись в Мурманском мореходном училище, ходил в море штурманом, затем стал журналистом. В стихотворении «Ритм моря» он напоминал желающим овладеть морской профессией, какое мужество и упорство надо иметь матросу в штормовую погоду: «Рушится небо в белую пену, / ты, упав под высокий гребень, / снова должен взлететь непременно»².

Стихи именно этой четверки молодых поэтов показались Мурманскому издательству наиболее интересными, и уже на следующий год вышел сборник стихов молодых поэтов Заполярья «Искренность» (редактор Александр Тимофеев), куда вошли подборки стихотворений В.Исаенко, В.Петруничева, В.Тимофеева, А.Шепелева. Состав сборника был подобран таким образом, чтобы двум поэтам «от производства» (В.Исаенко и В.Петруничев) соответствовали два поэта-журналиста (В.Тимофеев, А.Шепелев). На этот раз каждый из четверки получал возможность представить читателю не одно, а от 14 до 25 стихотво-

рений. Эту возможность четверка молодых поэтов использовала максимально и показала, что в Заполярье действительно вырастает способная поэтическая поросль.

Книгу открывали стихи В.Исаенко. Для украинца из Запорожья всё увиденное на севере поражало контрастом между ранимой и беззащитной природой – и натиском машинной цивилизации со всеми тяжкими последствиями для человека. В стихотворении «Акации», рассказывая о судьбе посаженных у заводских корпусов южных деревьев, поэт находит яркий и точный образ зеленых друзей, ставших «от дыма сивыми»:

*Корни корявые корчите
В окаменевшей почве.
Тянете чернорабочие,
Словно мозоли, почки*³.

От казавшейся вечной мурманской полярной ночи В.Исаенко тянуло к воспоминаниям о своей родине. В стихотворениях «Струны», «Невеста», «Утро падает в тугие руки рельс...», «Мост», «Совсем не просто...» звучит признание в любви к землячкам «с упряминками синими в больших откровенных глазах», к южному лету, когда «и солнце, и сирень / закипели каплею червоной». Молодой способный поэт не выдержал зова малой родины и вскоре уехал в Запорожье, где

стал автором двух поэтических сборников и позднее был принят в ряды Конгресса литераторов Украины (КЛУ).

Истоки биографии другого участника сборника стихов «Искренность» В.Петруничева уходили в Чарозерский (ныне Кирилловский) район Вологодской области, и впоследствии одну из своих первых книг в знак любви к родным местам он назвал «Чарозеро» (1989). Приехав в Заполярье, рабочую профессию он совмещал с учебой в Мурманском пединституте. Получение высшего образования у поэта с «рабоче-крестьянской» биографией совпало с увлечением древнерусским язычеством, что не могло не отразиться на включенных в сборник четырех стихотворениях из цикла «Озёра».

«Россия начинается с озер», – начинает своё повествование о судьбе России В.Петруничев и рисует жизнь и быт первобытных охотников-славян, для которых язычество было народной религией с культом враждебных (упыри (вампиры)) и благожелательных (Берегини) духов. Первое появление Берегини («Из камыша по золотой воде / шла медленно к березам») обставлено в характерных для религиозного экстаза красках:

*Убор берез не бросок. Ноги босы.
Таинственно стволы струили свет.
И целовала их богиня, как невест,
Тугие ветки заплетала в косы,
На камышовой дудочке им пела
Об очагах, о торжестве любви...⁴*

В этом красочном зрелище В.Петруничев хотел раскрыть одну из черт славянского язычества – веру в одушевленность живой и неживой природы, в сверхъестественную близость людей с деревом-первопредком, каким в данном случае выступает береза. На взгляд молодого поэта, период язычества был праздником мира на славянской земле, когда люди жили в согласии с природой.

Далее, согласно языческой мифологии, В.Петруничев рисует картины нападения злых духов – упырей (в данном случае – «орды кочевников») на мирные селения славян-земледельцев. Здесь речь идет о характерном для язычества культе Рода, ради спасения и защиты которого русские «изламывали вражий строй», идя в наступление с криком «За Берегинь!»:

*Для нас, для русских, с той поры
Свобода рода – слава рода!*

Ещё одно путешествие во времени – и В.Петруничев переносит действие во времена Александра Невского, когда «за Берегинь голубоглазых, русоволосых пострелят / вставала русская земля – богатыри былинных сказов».

Свою необычную для того времени точку зрения на историю Руси В.Петруничев отстаивал и в поэме «Лада», опубликованной в 1966 году в сборнике «За гранью разлук». Поэт продолжал творческую работу в этом направлении после получения диплома о высшем образовании в местном пединституте и переезда в 1967 году в город Кингисепп Ленинградской области. Там он активно работал журналистом, писал стихи, издал несколько книг и стал членом Союза писателей России, оставаясь поборником древнерусского язычества и не скрывая этого от окружающих.

Названию сборника «Искренность» отвечали и включенные в него стихи поэта-песенника Александра Шепелева (1935–1992). Он входил в ядро творческой элиты Мурманска 1960-х годов, в котором «крутились» молодые поэты, композиторы, художники, воодушевленные открывшимися перед ними горизонтами свободы и мечтавшие своей подвижнической совместной работой включить в духовную жизнь города близкие им идеи, ценности, стремления, традиции, чтобы заменить устаревшие образцы культуры «социалистического реализма». Они горячо обсуждали новости политики, литературы и искусства, шли в народ с песнями и стихами с верой, что их услышат те близкие им по духу молодые люди, кто «рвутся по свету искать чудеса, / самые звонкие, самые смелые, / самые алые паруса»⁵.

Культура Мурманска в 1960-е годы жила импульсом обновления – интеллектуального, нравственного, социального. На волне ожидания перемен в Мурманское книжное издательство в 1964 году в качестве редактора художественной литературы пришел Александр Борисович Тимофеев (1937–1992), ранее после окончания Мурманского пединститута работавший учителем в интернатах посёлков Африканда и Умбозеро. Он организовал литературное объединение при книжном издательстве и проявил такую любовь и заботу о местной литературе, что вскоре его стали называть «воспитателем поэтов». «Короткой аббревиатуры АБТ, образованной от первых букв имени, отчества и фамилии, было достаточно, чтобы люди понимали, о ком идет речь, – писал А.Ганин. – В кругах творческой интеллигенции его знали все. За свою жизнь он подготовил сот-

ни книг. В том числе, к примеру, сборник прозы Юрия Визбора «Ноль эмоций» – первую книгу всенародно любимого барда... В отличие от других редакторов, он не «выскивал блох», не тыкал автора по мелочам, представляя почти абсолютную свободу в толковании материала, и способствовал благополучному прохождению рукописи «между Сциллой и Харибдой» Обллита. Он много брал на себя»⁶.

Лирический герой включенных в сборник «Искренность» стихов А.Шепелева борется против мещанской нетерпимости, против застоя в общественной жизни и консерватизма бюрократической системы. Даже когда поэт рассказывает о юных модницах в стихотворении «Чтоб всем назло казаться стильными...», он в текст вставляет близкий ему лозунг: «Долой опеку и начальников!»⁷

Любовь для лирического героя А.Шепелева – это святое чувство, которое нельзя обменять ни на что другое. Поэтому столь сурово в стихотворении «Сказочка» он оценивает поступок девушки, вышедшей по расчету за владельца серой «Волги» и оказавшейся в «золотой клетке блестящей».

Независимо от профессии, герои стихотворений А.Шепелева в душе романтики, члены близкого поэту братства вольных граждан, воплощающие его представления о праве и обязанности литератора выражать весь спектр человеческих переживаний. Таковы герой посвященных космонавту-2 Герману Титову «Баллад о звездном капитане»; «всю жизнь проведший в исканиях» геолог («В гостинице»); несправедливо репрессированный в 1937 году и спустя годы после освобождения вернувшийся на капитанский мостик мореплаватель («Улыбка»); талантливая актриса, которая на сцене «звездю сверхновой взрывалась / над вороньём несчастий и смертей» («Аплодисменты молчания»). Таков был и сам поэт, в стихотворении «Чуть иронизируя над стилем...» выступавший против обезличивающих тенденций в развитии цивилизации:

*Только б не был новый день вчерашним,
Только б трогать пальцами рассветы,
Только б все – начало, все – не спето,
Только б вплеся в пыльный зной дороги
Родниковый холодок тревоги»⁸.*

А.Шепелев написал ряд песен, звучавших по Мурманскому радио: «Следы на глобусе», «Моряцкие мили», «Добрый город», «Морская соль». Его стихи публиковались в коллективных сборни-

ках, но выйти к читателю с отдельной книгой ему так и не удалось.

Более удачно сложилась поэтическая судьба четвертого участника сборника «Искренность» Виктора Тимофеева, который был представлен двумя десятками стихотворений. Содержанием половины из них были впечатления, полученные от работы на рыболовном траулере. Поэт стремится к достоверности, показывая работу на судне без всяких прикрас, равно как и судьбу людей, являющих примеры мужества и смекалки в тяжелых штормовых условиях Баренцева моря. Автор на всё происходящее смотрит глазами рядового матроса, с его точки зрения расценивает события и людей. В написанном от первого лица стихотворении «Начало» молодой курсант от перегрузок и бессонницы порой чувствует себя «оглохшим и ослепшим», но заставляет себя работать на палубе наравне с командой и заслуживает матросского одобрения («Курсант – а держится, гляди»). Гордость профессией рыбака звучит в стихотворениях «Матросский нож», «Потому и моря не стихают...», «Расскажите мальчику про море». Однако занимательному сюжету этих и других стихотворений недостает ярко выписанных характеров. В портретных зарисовках моряков («Капитан», «Радист») образы героев получились однозначными, прежде всего как людей, преданных своей работе.

Принадлежа к поколению «детей войны», В.Тимофеев не может не затронуть эту страничку своей биографии. Родившийся на Украине в крестьянской семье, он рано стал сиротой – отец умер, когда Виктору исполнилось восемь лет. Мать воспитывала двоих детей одна. В стихотворении «Я не запомнил день Победы...» он объясняет скудость воспоминаний своим малолетством. Что запомнилось малышу – это не оставившее его чувство голода и силуэт отца, склонившегося в поисках заработка над починкой очередной гармони. А когда отремонтированная гармонь «ахала цыганкой» в отцовских руках, мальчуган «со всеми пел с азартом и про любовь, и про войну». С детства будущий поэт запомнил это удивительное свойство песни – «чужую грусть лечить», и решил, что «нет дороже» профессии поэта. Не удивительно, что впоследствии В.Тимофеев стал автором ряда текстов песен. На слова поэта мурманский композитор С.Малахов написал песню «Мачтовый город». Вдвоём они выпустили книгу «Снежные струны», куда вошли и тексты, и ноты, и даже две пластинки прилагались, чтобы можно было послушать лучшие песни.

Увлечение поэзией дало В.Тимофееву выход присущей ему с детства потенциальной силе и энергии, что отразилось в жизнерадостности его любовной лирики, в выборе в качестве героев сильных и светлых личностей, которые смело смотрят вперёд и верят в успех общего дела. Герой его стихотворения «Капитан» «повторяет гордо, / что от жизни он не устанет». Не страшны молодым героям стихотворения «Первые заморозки» «упрёки и укоры, / мелкие предательства, укоры... забыв про осторожность, / правдой горячо мы восторгаемся». Но подобная рационалистическая четкость характеристики персонажей приводила к повторяющимся бодрым напористым ритмам и к приблизительным рифмам («песок – сок», «играли – считали»). Сказывались недочеты поэтической техники, вызванные недостаточной требовательностью автора к своему творчеству.

Между тем у В.Тимофеева рождались десятки новых стихотворений, часть из которых вошла в его первую стихотворную книгу «Площадь Пяти углов» (Мурманск, 1967). Именно так называется площадь, куда сходятся маршруты приезжающих в Мурманск на различных видах транспорта (кораблях, самолетах, поездах, автобусах) людей с намерением начать в Заполярье свою жизнь с чистого листа. Обращаясь к ним в заглавном стихотворении сборника, В.Тимофеев обещает гостям добрый и сердечный приём: «Пусть будет в твоей горсти / святость другой земли... если ты ищешь себя, / может быть, ты – у нас?»

Сам поэт нашел своё призвание на северной земле, но родовая память продолжала жить в его лирических стихах об украинском детстве, о милых сердцу южных краях. Эта двойственность восприятия Севера, свойственная поколению людей, получивших мурманскую прописку в школьном или студенческом возрасте, но духовно так и не оборвавших корней с прошедшим в других краях детством, передана в стихотворении В.Тимофеева «У отцовской могилы»:

*И донесет жара степная
То предков речь, то дробь подков,
То стон прабабок за снопами,
То песню дальних ходоков.
И встанут зримы и весомы
В тебе начала двух семян:
Горячность смуглого Востока
И трезвый холод северян⁹.*

Эти два начала определяют авторское деление

содержания книги на два раздела: в первом из них речь идет о поведении человека в ходе активной трудовой деятельности на борту рыболовного сейнера (13 стихотворений), во втором разделе лирический герой наделен богатством индивидуальных черт, что делает живым и поэтическое слово (17 стихотворений).

Тема моря подается В.Тимофеевым с присущим ранним стихотворениям романтическим пафосом. Но чем дальше в памяти ушедшего в журналистику автора удаляются воспоминания о работе на сейнере, тем всё более книжными становятся образы, эпитеты, сравнения:

*Мир встает, движеньем искаженный,
Брызги, пена, воздух раскаленный.
Горизонт вращается, как жернов,
Волны рушатся, как древние колонны¹⁰.*

Море в «Балладе о золотой сельди» предстает некоей страшной силой, которая готова уничтожить и придавить жизнь («Волна к волне... Удар! – и дрожь, и брызги, и тоска... Волна к волне... И судно – как в тисках»). Несоизмеримыми с красотой бушующего моря видятся мечущиеся по палубе фигурки людей, рискующих собой ради улова сельди и ждущих с нетерпением, когда «по доньям бочек застучат стальные молотки...». Здесь соответствие правде жизни вступает в противоречие с необходимой каждому поэту гармоничностью воображения и художественного образа.

«В стихах первого сборника В.Тимофеев тяготел к балладным или повествовательным формам, – писал Э.Лявданский. – Ему легче рассказать об окружающем, чем проникнуть в существо жизненных явлений. Правда, начинающий поэт стремился к преодолению бытовизма с помощью романтической экзальтации чувства. Или стихи «держались» непосредственно темой, предметом изображения, точностью деталей: они говорили о трудностях морской, рыбацкой службы, о хорошо знакомой рыбаку долгой разлуке с землей, с домом, с любимыми. В лексический строй стиха нередко проникали прозаизмы, разговорная речь, а подчас и жаргон: В.Тимофеев, видимо, как «слышал», так и писал»¹¹.

Если стихотворения о рыбацком труде В.Тимофеева в значительной мере выполняли прямую агитаторскую функцию («А нам – пытать у шторма силы, / крошить туман, / волну крушить, / нам в океане долго жить»), то заключавшие сборник 17 стихотворений открыли в молодом поэте ин-

терес к чисто человеческим проблемам. Как лирик он пытался соотносить личные переживания с нравственными позициями эпохи. Начал он с переоценки своих «агитаторских» стихов, за увлечение которыми вынужден был в стихотворении «О словах» назвать себя «слепым и робевшим» новичком в поэзии, который «о груды словес затвердевших / поранился в жизни не раз». Признаком созревания врожденного дара поэта становится сделанное им в стихотворении «Окунаюсь в грустное лето...» признание слабости всего, что написано им в спешке, набело, без черновой работы над словом, в «протабаченном галдеже» редакции: «А потом, бегом умаянный, / прослежу за вчерашней строкой, / и она мне покажется маленькой / и слепой – как щенок слепой». Теперь, пишет повзрослевший и многое понявший в жизни поэт, «словославье отвергнув, / я мыслить учусь по слогам». В стихотворении «О вы, лжецы великие, художники...» он обещает «сердцем добывать удачу»¹², что означает перестановку авторских акцентов в сторону гуманистической проблематики.

Заявленную ранее в стихотворении «Я не запомнил День Победы...» тему «детей войны» В.Тимофеев продолжает большим отрывком из поэмы «Отец». Повествование о том, как будущий поэт «все детство пробегал сорванцом-пастухом», расширяет представление о духовной драме детей, вынужденных в голодные послевоенные годы работать «за обед и за ужин и пятерку в карман». Одновременно рассказ о детстве поэта объясняет, где он получил уроки выживания, как учился разбираться в людях, в каких условиях выработал сильный характер и почему сознательно выбранный путь привел его в литературу. «Детство» завершается рассказом о «бабе Зое», одиноко живущей «в хате, горем прогорклой», но сохранившей в славянской душе присущие этносу доброту, гостеприимство, готовность помочь попавшему в беду человеку: «Бабка, словно мужчину, привечала меня / и с улыбкой простою, и с грустинкой простой, / будто в праздник пресрестольный, / накрывала на стол». Это сохранившееся в памяти поэта воспоминание во многом объясняет человеческое тепло в рассказе о простых людях, идущее от многих стихотворений В.Тимофеева и вселяющее в сердца добрые чувства («Песня о Леньке Янове» и др.).

«Поток сознания» в любовных стихах поэта органично используется им для повествования о мире человеческих чувств, в котором на каком-то этапе начинают разрушаться прежние ценности и

утрачивается цельность нравственной сферы. Если в начале любовного романа герой стихотворения «Волнуюсь: я спокоен за тебя...» в отношениях с возлюбленной жил в постоянном напряжении чувств («встречал, корил, сердился, убивался»), то спустя годы ловит себя на мысли, что уже не тревожится за женщину:

*И мы как бы случайно узнаем,
Что мы живем без всякого волненья,
Без внутреннего сильного веленья,
Что мы как бы охвачены болезнью
И не стремимся выйти из неё¹³.*

В человеческих переживаниях В.Тимофеев интуитивно нащупывает переживания людей, испытавших трагедию войны и так и не сумевших избавиться от порожденных ею комплексов и страхов, мешающих полностью почувствовать себя счастливым и защитимым. В стихотворении «Медведь», начинающимся строкой «Не провожает женщина», вновь речь идет о неустойчивости бытия, когда желание обрести надежную опору то ли в любимой женщине, то ли в верном друге не сбывается: оба исчезают однажды, не сказав ни слова («Они меня как будто сбыли с рук»). На руках у одинокого человека остается плюшевый, с единственным глазом, медведь, вид которого наводит на соответствующее сравнение:

*Я – как медведь, отбившийся от рук,
Ручной медведь, – мне трудно без поводьев¹⁴.*

Любовная драма расставания в стихотворении «Ты вся осталась позади...» перестает быть лишь отражением того, что так часто случается в отношениях между мужчиной и женщиной, но становится попыткой осмыслить пережитый опыт и увидеть причину расставания в радикальных изменениях в иерархии человеческих ценностей: «Но жил я белкой в колесе, / меня порой швыряло, било – / и всё, что не было и было, / теряло вес, теряло след»¹⁵.

Лирический герой последнего стихотворения сборника – «Потолки» – в «бессонном бденье» размышляет о себе и своём поколении и с горечью признается, что жизнь «сначала мягче, дальше – грубо, как прессы сдавливала нас». Обстоятельства складывались таким образом, что немногим удавалось проявить свои лучшие надежды на будущее, и утешением оставались слова: «У каждого свой потолок». Таким неудачником в жизни иногда чувствует и сам поэт, лишь

в 25 лет издавший первую книгу: «На рожон не лезу больше / – стану, верно, / я нестреляющим ружьем». Но заканчивается стихотворение после всех этих грустных размышлений картиной рушащихся в соседнем доме стен – «там пробивают потолок», а это означает, что поэт не оставляет надежду на новый рывок в преодолении «бетонного груза» жизненных проблем.

В 1960-е годы старые литературные схемы чем дальше, тем больше обнаруживали свою недостаточность. Однако некоторые из вступавших в поэзию молодых мурманских поэтов видели в жизни одну только социальную идиллию, увлекались стихотворными строками общего нравственно-политического характера. Такое произошло с автором книги «Белокаменные рассветы» (Мурманск, 1963) журналистом Аркадием Мееровичем (р. 1934) и с решившим попробовать свои силы в жанре поэзии военным летчиком на Северном флоте Василием Выхристенко (р. 1935), опубликовавшем книгу стихов «Я видел солнце» (Мурманск, 1964). Первый из них в стихотворении «Великое нетерпение» в стремлении воздействовать на политический облик советского труженика спешил напомнить читателю, что «никакие тяготенья» не должны остановить рабочий настрой: «И не терпеньем – нетерпеньем сегодня славен человек!» Второй поэт в том же бодром духе в стихотворении «Отцы и дети» утверждал: «Не было на свете и не будет / таких вершин, чтоб устрашились мы». В их стихах давали о себе знать плоская лозунговая публицистичность, увлечение стихами, написанными «на тему», а не по велению сердца.

Между тем А. Меерович и В. Выхристенко к моменту издания своих первых книг имели определенный литературный опыт. Оба были участниками созданного в июле 1957 года литературного объединения при газете Северного флота «На страже Заполярья». Им долгое время руководили поэт Владимир Матвеев (1925–1999) и Александр Соколовский (р. 1921). Активное участие в работе объединения принимал Валентин Сафонов (1936–1995). Во время призыва он попал служить на эсминец Северного флота; после демобилизации в декабре 1958 года стал работать в редакции флотской газеты «На страже Заполярья». В 1959 году были выпущены первые два номера альманаха «Полярное сияние». По свидетельству В. Сорочаждьева, многие авторы впоследствии стали профессиональными писателями: Таисия Астапенкова, Василий Выхристенко, Юрий Кушак, Владимир Матвеев, Станислав Панкратов, Борис

Романов, Валентин Сафонов, Николай Рубцов¹⁶. Что касается А. Мееровича, то он совместно с Л. Крейнсом написал и опубликовал повесть «Диплом Цезаря Попова» (Мурманск, 1966) и совместно с В. Матвеевым выпустил книгу стихов «Колька едет на Север» (Мурманск, 1966). Два стихотворения А. Меерович опубликовал в сборнике «День поэзии Севера – 1968».

Что касается писательской судьбы участников Великой Отечественной войны Александра Соколовского и Владимира Матвеева, то они не только дали путевку в жизнь молодым поэтам, но и публиковались в созданном ими альманахе «Полярное сияние», журнале «Север», в сборниках «День поэзии Севера». Понятно, что их лирика была непосредственно связана с пережитым на войне.

А. Соколовский был участником обороны Ленинграда (где за два дня до начала войны окончил десятилетку) и Сталинградской битвы, где его ранили. В мае 1958 года по личной просьбе выпускник Военно-морской медицинской академии был переведен в Североморск, где по своей специальности прослужил 18 лет. Будучи полковником медицинской службы, увлекся поэзией, выпустил книгу стихов «Завидная судьба» (Мурманск, 1962). Подвигу погибшего в Заполярье летчика Бориса Сафонова посвящен цикл его стихов «Улица Сафонова». Когда в стихотворении «Полярный день» А. Соколовский рисует красоту заполярной природы, он использует по военному четкие образы: «Даль чиста. / И кажется: ясна природа, / ясна, как строевой устав». Но эту ночную тишину, напоминает поэт, в любой момент может нарушить сигнал боевой тревоги, и потому даже солнце в его стихотворении – на страже мирной жизни: «Над заполярным гарнизоном, / на вышке-облачке застыв, / светило – на посту бессонном, / и к сопке луч примкнул, как штык»¹⁷. После демобилизации А. Соколовский вернулся в Ленинград, где стал членом ассоциации писателей баталистов и маринистов. Всего он опубликовал тринадцать поэтических сборников и две книги прозы. Одно из последних его стихотворений под названием «На встрече фронтовиков» появилось в журнале «Невский проспект» (2009, №3 (46)) и говорило о верности ровесников поэта патриотическому долгу:

*Они стоят на открытом ветру,
Не покоряясь ударам судьбы,
Люди – прямые, как сосны в бору,
И крепкие, как дубы.*

Тринадцать поэтических сборников, как и А. Соколовский, выпустил за свою жизнь В. Матвеев. После окончания Томского артиллерийского училища (1944) он стал курсантом 4-й московской специальной артиллерийской школы, участвовал в обороне Москвы, с 1944 г. – командир радиовзвода батареи управления артиллерией 4-го Свирского стрелкового корпуса Карельского фронта, с 1952 г. – офицер Северного флота. В 1960-е годы В. Матвеев выпустил пять книг стихов: «У Кольского залива» (Мурманск, 1960), «Я иду на свидание» (Мурманск, 1963), «Заполярные вечера» (Мурманск, 1963), «Сосны на граните» (М., 1965), «Иней» (Мурманск, 1968). После демобилизации подполковник в отставке В. Матвеев в 1972 году уехал в Москву и продолжал активную творческую деятельность.

Лирика В. Матвеева публицистична в смысле её привязанности к реальности жизни Северного флота, поддержки поэтическим словом борьбы за идеалы социалистического общества. Оружием поэта с самого начала были традиции боевности, мужества, гражданской активности. Вместе с тем ему долгое время не хватало чувства смелости, стремления решать большие творческие задачи. В силу своих обязанностей политработника он продолжал писать о беззаветной борьбе за лучшее будущее правящей партии, о боевых традициях армии и флота. «Российская критика, – вспоминал В. Сорока-жердьев, – относилась к матвеевской поэзии в общем доброжелательно, но мурманская литбратия не очень-то ее любила, у неё на уме тогда были модные Евтушенко, Рождественский, Вознесенский. Матвеев писал в традиционной манере, ясным слогом, без выкрутасов, проще некуда. Правда, писал на потребу дня, к праздничным датам. Это шло от журналистики, от газеты, где сочинялись репортажи гражданского звучания. У него есть даже повесть в стихах, написанная совместно с флотским поэтом Аркадием Меревичем... Многие зависело от цензуры, издательства, обкома партии, а для офицера Матвеева – еще и от политуправления флотом. Ныне эта чиновничья цепочка вызовет улыбку, а тогда с ней мирились...»¹⁸

Чувство самокритического неудовлетворения собой прорвалось в стихотворении В. Матвеева «Рядовой искатель слова верного...», где проблема требовательности к качеству стиха сопрягается с гордостью за главное дело своей жизни – защищать Родину:

*Лавров мне еще не полагается...
Что грустить об этом! Ведь пока
Слишком робко к лире прикасается
Карабин сжимавшая рука.
Нелегка шинель обыкновенная
Жесткого казенного сукна,
Но моя профессия военная
Родине пока еще нужна¹⁹.*

Пейзажная лирика В. Матвеева рождена его восхищением красотой Севера, когда «лесные края, словно чуткий дозорный, / молчаливо и строго обходит луна» («Ночь на озере»). Он находит выразительные детали в рассказе о последних погожих днях поздней осени на Севере, когда «в мареве, лучами не прогреетом, / блеск паутины сроден волшебству: последней нитью связан с теплым летом / озябший лес, роняющий листву» («Бабье лето»). Стихи В. Матвеева о пережитом на войне подкупают умением по-своему передать драматизм событийной стороны солдатской жизни. Запечатлевается в памяти стихотворение «Среди воронок свежих по сугробам...» о похоронах юного фронтового поэта, которого несут к месту последнего упокоения:

*На грани дня по-зимнему светает.
Медлительно и скорбно вьется снег.
Лицо в снежинках. И они не тают...
А как горяч был этот человек!*

Для молодых матросов Северного флота, приходивших со своими стихами на заседание литературного объединения при газете «На страже Заполярья», офицеры А. Соколовский и В. Матвеев олицетворяли поколение фронтовых поэтов и политруков. Ветераны войны были своего рода «крышей» для молодых талантов (среди которых был Н. Рубцов) от возможных придирок со стороны Политуправления Северного флота. Но это не избавляло поэтов-фронтовиков от «зубастых» наскоков творческой молодежи в момент обсуждения на литературном объединении своих собственных стихов. Такие творческие дискуссии шли на пользу поэтам разных возрастов. Начинающие литераторы обретали смысл и цель в жизни, для ветеранов встречи с молодыми были отличной школой творческого общения.

Ещё один участник флотского литературного объединения Б. Романов (1936–1998) первые стихи написал в 1954 году, дебютировал как поэт в газете «На страже Заполярья» в 1959-м, через два года поступил на заочное отделение Литера-

турного института имени Горького, а свою первую книгу стихов «Солёный огонь» опубликовал в Мурманске в 1965 году. Её рукописный вариант, по словам авторов предисловия к книге, «работяга и романтик, моряк и поэт написал, вернувшись из очередного рейса»²⁰. Сквозным мотивом через весь сборник проходит любовь к морю и гордость своей профессией. Иного и нельзя было ожидать от автора, с юных лет мечтавшего увидеть себя на капитанском мостике. После окончания в 1951 году Валдайской неполной средней школы Б.Романов поступил в Ломоносовское мореходное училище Военно-морского флота. Стал дипломированным специалистом и в 1956 году получил направление в Мурманск. Плавал на судах различного назначения и типа, сначала штурманом, а с 1964 года – капитаном. «Он легко сходился с людьми, буквально вкачивал в себя морской опыт. Быстро стал капитаном, принимал сложные суда (вспомогательный состав Северного флота), уводил их в опасные рейсы, – вспоминал Виктор Тимофеев. – Был отзывчив, хлебо-солен. По-мальчишески культивировал глубокое знание, почитание Океана. Долгое время для него море было – прежде всего! В литературное дело вступил со свойственным ему темпераментом и напором. Из каждого рейса привозил новые рукописи»²¹. Хорошо знавший Б.Романова капитан атомного ледокола «Ленин» Б.М.Соколов называл его «одним из лучших наших морских писателей» и говорил, что «море у него показано настоящему»²².

Между тем Б.Романов начинал путь в литературе с того же, с чего начинали и другие, оказавшиеся впоследствии неудачниками. В наследство ему достался все тот же мир литературы социалистического реализма с теми же банальными традициями. Но Б.Романов отвергал материал, прошедший через чужие руки. По воспоминаниям В.Тимофеева, Б.Романов питал недоверие к авторитетным мнениям, «не умел делать что-либо вполсилы... серость не любил, как и безразличие, скуку, пошлость». Из мира морских традиций он черпал, как из первоисточника, необходимый материал для создания собственной философии жизни. Вот почему, по словам В.Харчева, в «Солёном огне» Б.Романов «нащупал нерв современной маринистики. Оттого, наверное, веет от его стихов свежим ветром исканий, непосредственностью человека чуткой, тревожной души»²³.

На стихах Б. Романова лежит печать личности, своего взгляда на вещи. Он с пониманием

всматривается в лицо жизни и благодаря накопленным знаниям и опыту оценивает, взвешивает, сопоставляет и объясняет читателю суть происходящего в соответствии со своими собственными идеалами. Казалось бы, много строк написано о встрече женщины с вернувшимся из дальнего похода моряком, однако и здесь Б.Романов находит свой образ: «Но поцелуи не потушат / огонь солёный на губах»²⁴.

Среди включенных в сборник стихотворений нет ни одного о преодолении штормовой непогоды, об опасностях и превратностях морской службы. Лирический герой не считает нужным рисовать картины своего личного героизма на работе, которая и является смыслом его жизни. Сильный и уверенный в себе и своих силах, он воспринимает свою профессию без какой-либо романтики, ясно осознавая, какую боль причиняет он семье многомесячной разлукой, и даже соглашается,

*Чтобы сонные женщины сонной земли,
Осознав предстоящей разлуки значенье,
Ненавидели утром во мгле корабли
И все прочие средства передвиженья*²⁵.

Но приходит время, когда «небритое солнце, взойдя на порог, / разрывает объятия грубо», и военный моряк покидает теплый дом, оставляя жену и детей с осознанием «неизбежности прощаний». Чувство любви к Родине в стихотворениях Б.Романова неразделимо с понятной для участников дальних океанских походов нежной привязанностью к детям. Те, как рассказано в стихотворении «Наши дети», нередко появляются на свет в отсутствие отца и могут не узнать его, когда, «закончив рейс не краткий», моряк увидит, «что сын, как в шторм, в своей кровати, / держась за леер, ходит», – увидит и порадуется за продолжение рода:

*Но пусть окружают нас моря
Изменчивым пространством –
Есть дети, словно якоря
Мужского постоянства.*

Еще одним «якорем» является для поэта-моряка любовь к женщине. В стихотворении «Колдовство», посвященном супруге Миле, «тишина над морем в час заката» рождает в Б.Романове желание увидеть рядом с собой на борту судна любимую:

*Пусть придет, как раньше приходила –
Из волны, из пены голубой.
Далеко, до самого светила,
Ей дорожку высветит прибой.*

В шесть четверостиший стихотворения «Море и человек» Б.Романов вкладывает тысячелетнюю историю «знакомства с морем», начавшуюся, когда на плоту человек «в прибойных брызгах у впадения рек... смотрел туда, где не было конца», ведомый непреодолимым желанием узнать предел «простора вод». Плоты сменил челнок, потом парусный корабль. Но жажда новых открытий вела человека всё дальше: «Начав свой путь в истоках древних рек, / в простор межзвездный смотрит человек».

«Меня влекли в моря / профессия с романтикою вместе», – признается Б.Романов в «Поэме о жилплощади». Неожиданная для жанра маринистики по своему названию и содержанию, поэма звучит как гимн любви жене, оставшейся на берегу «осваивать пристанище моё». Неистовость любовных чувств объясняется взглядом «со стороны» моряка, ушедшего надолго туда, «где яростно и сразу / земля в тугой норд-вест погружена». Его чувства после долгой разлуки насыщены и силой страсти, и ревностью, и уверенностью в нравственных достоинствах любимой женщины: «Я верю в человеческую верность, и в женскую привязанность я верю!»

В завершающей книгу Б.Романова «Поэме о си-ней песне» ярко проявляется лирический характер его дарования. Он склонен к поэтизации людей и событий, к раскрытию их сущности через личные переживания с использованием элементов внутреннего монолога. Любовь к человеку, Родине, земле предков – вот главные ориентиры гуманистического пафоса поэта, призывающего любить жизнь во всех её проявлениях:

*Бойтесь лишь проспать свою зарю,
Землю, заливающую щедро,
И, как мореход вам говорю,
Вы не пряхьте паруса от ветра!*

Маринистика Б.Романова отнюдь не ограничена спецификой работы в море, напротив, она выводит «морскую» тему на общечеловеческую, гуманистическую проблему, что придает ей живое и волнующее современное звучание. Такова и проза писателя, в жанре которой Б.Романов стал работать, начиная с книг повестей и рассказов «Тревожные сутки» (Мурманск, 1969) и

«Через ярус» (Мурманск, 1972). В 1971 году он был принят в Союз писателей, а после создания Мурманской организации СП стал ее ответственным секретарем.

В 1960-е годы в литературе возникла необходимость в стихах, которые бы не только выполняли функцию истолкования уже знакомого опыта моряков и рыбаков, полярников и геологов, но и обогащали духовный мир, воспитывали чувство любви к земле, где человека встречает угрюмое безмолвие снежной пустыни, дикие скалы, глухая и долгая полярная ночь. Своеобразной антологией лучших стихов северян стал сборник «Я землю эту люблю» (Мурманск, 1967). В нём были представлены стихи шестнадцати поэтов разных поколений. Патриотическое звучание стихов погибших на войне Константина Бельхина и Александра Подстаницкого подхватывали Василий Анисимов, Таисия Астапенкова, Валерий Белозеров, Оксана Зубарева, Юрий Кушак, Владимир Матвеев, Раиса Мусс, Борис Романов, Владимир Семенов, Владимир Смирнов, Виктор Тимофеев, Александр Шепелев и другие. Они воспевали «тревожный и мягкий трепет северных сияний, тихие акварельные закаты, солнечную дрему на сопках и мягкие лиловые тени в лощинах»²⁶. Они славилы людей, побратавшихся со штормами, одинаково успешно выполняющих свои обязанности на рыболовецком траулере и на уходящей в дозор подводной лодке, работающих в горных разрезах и возводящих этажи новостроек. Их стихи были данью восхищения, любви к земле Кольской. Как писал Юрий Кушак:

*Знал, что Север – над уровнем моря.
Понял: Север – на уровне сердца»²⁷.*

Многие из авторов коллективного сборника выражали чувства и переживания людей, которые родились за пределами Севера. При всем разнообразии профессий и биографий поэзия оставалась стержнем их человеческого существования. Они приехали осваивать новое жизненное пространство, оставив позади себя тяжелое бремя повседневности, и были счастливы погрузиться в атмосферу полярной романтики. Поэтому их стихам, как правило, сопутствует восторг от гармонии открывшейся им жизни на фоне хаоса полярной природы. Некоторым из авторов сборника здесь, на Кольском полуострове, ставшем «второй родиной», удалось увидеть свои стихи в виде отдельной книги и почувствовать не на словах, а всем существом значимость поэтического слова.

Они оставили в истории поэзии Русского Севера свой след и достойны хотя бы краткого упоминания в данной работе.

Открывавший коллективный сборник стихотворением «Лувеньга» Василий Анисимов (1911–1969) ранее опубликовал книгу стихов «Простые напевы» (Мурманск, 1961). Удивительным образом ему удавалось сочетать партийную работу в качестве второго секретаря Мурманского обкома ВКП (б) с даром поэта (в местной периодике печатал стихи под псевдонимом В.Северов). Родился он в Петрозаводске, но юность прошла на строительстве Свирской ГЭС. Судя по стихотворению «Кадриль», где он с восхищением описывал танец в исполнении деревенских девчат со Свири («Ни с какой другой реки – только с нашей сватают»), для него это были незабываемые годы. Вместе с Б.Романовым, В.Смирновым, В.Матвеевым, А.Мееровичем, Р.Велигиной Василий Анисимов 12 января 1966 года выступал на первом в Мурманске Дне поэзии.

Подборка стихотворений Таисии Астапенковой (1924–1991) была представлена автором, имевшим за плечами две книги стихов: «Тропинка к морю» (Мурманск, 1961) и «Утренняя песня Нила» (Мурманск, 1965). Уроженка Саратовской области, Таисия Астапенкова (девичья фамилия Храмова) в 1945 году приехала на Север и вышла замуж за морского офицера Е.Астапенкова. Отсюда – название первого сборника её стихов с мотивом бесконечного женского ожидания мужа на тропинке, ведущей к морю. В 1964 году супруга Е.Астапенкова командированы в Египет, где Таисией и были написаны стихи, вошедшие во вторую книгу. На стихотворение Т.Астапенковой «Край морошковый» местный композитор Г.Калинкин создал музыку, и эта песня вошла в репертуар Северного флота.

Ещё один автор сборника «Я эту землю люблю» Юрий Кушак (1936–2016) три года служил на эсминце, а после службы остался работать в газете Северного флота «На страже Заполярья». Начал писать стихи в 1956-м, а спустя шесть лет опубликовал первую книгу стихов «Пазори» (Мурманск, 1962). На Севере он пробыл семь лет, после чего уехал в Москву и стал известен как автор многих книг, адресованных детям.

С морем была связана и судьба Валерия Белозерова (1932–1999). Уроженец Тверской области, он после окончания Военно-медицинской академии плавал на судах Северного флота в качестве начальника медицинской службы. Врачебная профессия не мешала писать стихи, ко-

торые нашли место в его книгах «Студеные мили» (Мурманск, 1963) и «Штормовой век» (Мурманск, 1966). В стихотворении «Слушайте все» поэт обыгрывал сигнал корабельной тревоги и мечтал, «чтобы строчки мои в альманахах, в журнале, в газетной, как порох сухой, полосе пронзали, трубили, на подвиги звали – Слушайте все! Слушайте все!».

Активным участником литературного процесса на Мурмане была Раиса Велигина (1931–2008). С 1957 по 1991 год она работала в отделе культуры газеты «Полярная правда» и публиковала стихи под псевдонимом Раиса Мусс. Её перу принадлежит единственный сборник стихов «Сердце не забывает» (Мурманск, 1964).

Хотя авторы коллективного сборника с чистым сердцем заявляли о своей верности Заполярью («Я землю эту люблю»), но жизнь их складывалась таким образом, что по различным обстоятельствам многие через несколько лет уезжали с Севера. Оставили добрый след в памяти мурманчан уехавшие в Москву Юрий Кушак, Владимир Матвеев, Василий Анисимов; вернувшийся на родину в Валдайский край Борис Романов; отправившаяся вместе с мужем по новому адресу его службы Таисия Астапенкова; ушедший на повышение в должности Валерий Белозеров.

Навсегда соединили свою судьбу с Заполярьем Раиса Мусс, Александр Шепелев, Виктор Тимофеев, Владимир Семёнов, Владимир Смирнов. О судьбе двух названных последними в этом списке есть необходимость сказать далее более подробно, поскольку в последующие десятилетия эти два автора (вместе с В.Тимофеевым) достигли значительных успехов и вошли в творческое ядро местной писательской организации.

Владимир Смирнов (1937–1995) – один из «поколения детей 1937 года», которые, по словам В.Бондаренко, «в самой юности испили глоток внешней свободы, дарованный оттепелью, и, придя в литературу, не пожелали уже служить миражам, но и бороться с властью они принципиально не желали. Они поодиночке защищали свои личностные ценности, создавая тем самым новую культуру, культуру отдельного человека... И еще. Почти все – романтики по жизни, романтики по судьбе, романтики по литературной направленности»²⁸.

Таким был и остался в народной памяти В.Смирнов, журналист, краевед, первый поэт-уроженец Мурмана, принятый в члены Союза писателей России (1978). Он родился в старинном поселке Териберка, где издавна жили русские

поморы. Отец его в годы войны был командиром одного из партизанских отрядов Мурманской области. После войны Володя жил с родителями в Умбе, Никеле, Коле, Мончегорске, где в районах партии работал отец. Среднюю школу окончил в Мурманске и поступил в Кировский горный техникум. Но в 1956 году отец с матерью развелись, и юноша, бросив техникум, рванул вслед за отцом в Благовещенск. Там, не сойдясь с мачехой, ушел из отцовского дома. Работал сплавщиком на Амуре, горнорабочим в геологоразведочных экспедициях на Ангаре и Подкаменной Тунгуске в Якутии и Хабаровском крае. «Не всех мальчишек-поморов обязательно тянет в море, – говорил позднее В.Смирнов. – Так случилось и со мной. Я окунулся в земные проблемы, в геологию»²⁹. В начале 1959 года вернулся в Мурманск. Здесь попробовал работать на метеостанции, матросом на буксире, сотрудником газеты «Заполярный труд». В 1960 году поступил в Литературный институт имени Горького (семинар Сергея Смирнова) и, будучи еще студентом, опубликовал первую книгу стихов «Таёжные маяки» (Мурманск, 1962).

Эта книга написана даровитым человеком, чьи нерастроченные возможности воплощались вначале в поисках дела, связанного с риском для жизни уже в силу необычайно сложных климатических условий и запредельной отдаленности от цивилизации. В тот момент юноша хотел доказать родителям, но прежде всего себе, что он обладает сильной волей. Хождение по таежным тропам, при всей ограниченности повседневного опыта, давало ему столь необходимое молодому человеку ощущение самодостаточности. Но однажды в сильные холода он отморозил обе руки, с трудом вылез, однако не был допущен к работе в экспедиции. И в этой ситуации родилась возможность для художественного творчества. Стихи В.Смирнов начал писать еще в школе, но затем романтика чувств повела его к блужданиям по боковым тропинкам жизни. Теперь, став студентом, он заново оценил полученный им опыт «земных проблем» и в первой книге решил использовать материалы наблюдений.

В каждом из характеров героев, которыми автор населил страницы сборника стихов «Таёжные маяки», отражается частица его самого, чистого, юного советского романтика. Сюжеты стихотворений построены таким образом, чтобы пробудить человеческие души к активности, заставить читателей покинуть пределы частной, замкнутой мелкими заботами жизни и возвыситься до идеа-

ла. Таковым молодой поэт видит подвиг первопроходцев, которых в открывавшем книгу стихотворении «Я снова слышу, как седое эхо...» называет «маяками» (отсюда и название книги):

*Они уходят, оставляя семьи,
Сменив постель на спальные мешки.
Свет приносят в необжитые земли.
Как будто сами люди – маяки³⁰.*

Когда в стихотворениях «Геолог», «В тайге», «Письма», «На привале», в поэме «Березка» В.Смирнов от элементарных, внешних примет жизни и быта участников геологоразведочных экспедиций поднимается к осознанию высшего предназначения «людей-маяков», которые в его представлении олицетворяют идеальное выражение опыта человечества, то авторские свидетельства сердца, ценность идеи становятся obviously значимыми.

Можно предположить, что некоторыми из живущих в XXI веке подобного рода идеализация может быть искажена и ложно истолкована, вызовет насмешку. Но даже и сегодня в таком своём виде она благотворна, ибо окрашивает жизнь в цвета идеала, связывает моральность с повседневным опытом и оправдывает значимость и ценность наследия предыдущих поколений.

Лирический герой книги «Таёжные маяки», вспоминая в стихотворении «Я вновь на вокзале...», как «меня мальчиком пятилетним от войны увозил паровоз», чувствует себя в одном строю с «дедами и отцами, что не вернулись с войны». Он всем сердцем разделяет переживания учительницы, у которой «в далеком и чужом краю / пал солдат, её жених, на Висле» («Учительница»). Ему близок поступок отца, который в 1943 году, пытаясь спасти семью от голода, ушел на охоту. Но встретив окруженного со всех сторон волками лося, выстрелил в хищников и спас животное («По следам (отцу)»). В стихотворении «Матери» лирический герой, объясняя свой ранний уход из семьи, просит понять мотивы такого поступка, за которыми открывается идеальный масштаб человеческих мыслей и чувств поколения «детей войны»:

*Я на Дальний Восток уехал исподтишка,
Лишь ветер пришел меня провожать.
Кто в Якутии не был, тот до сих пор
Не может знать, что такое зима,
Когда от деревьев отскакивает топор,
Когда насквозь промерзает земля.*

*А мы, потуже стянув шарфы,
Копали канавы и били шурфы.
В черную вечную мерзлоту
Глубже и глубже врезался лом.
Казалось, что грели мы землю ту
Нашим людским теплом³¹.*

Используя материал действительности, В.Смирнов создает из него ясный и прекрасный мир человеческих отношений. И всё же в ряде случаев пафос поэта превращается в простую риторичность (стихотворения «Студентка», «Слепой», «Светофор»), когда поэзия становится прозой. Молодому поэту пока еще не хватало любви к деталям, способности увидеть едва заметные нюансы в человеческом поведении, нарисовать мир во всех его красках, сохранить во всей книге внутренний заряд страсти и жизни.

Пять лет учебы в Литературном институте сняли с глаз молодого человека пелену романтической условности и восторженности. Опыт столичной жизни во всех её проявлениях позволил чувствовать глубже, видеть дальше. Теперь он мог контролировать каждый свой шаг, стать хозяином своего жизненного опыта, получил возможность продуманно менять его движение. В.Смирнов пошел работать на местное телевидение и в 1966 году выпустил в Мурманске вторую книгу стихов «Жизнь, которой живу». В рецензии на неё М.Тарасов писал: «Автор в лучших стихах пытается нащупать скрытые причины человеческих поступков, их взаимосвязь с противоречиями века. Отделяя зерно от полова, лишая сущность камуфляжа, он стремится к определенности и конкретности, чувствуя, что только достоверность сделает стихи убедительными. Постоянно чувствуешь, что перед тобой человек, не случайный в поэтическом цехе, что он способен сказать собственное весомое слово»³².

Для В.Смирнова пришло время заглянуть к себе в душу и задать вопрос о смысле и ценности жизни. Книга начинается стихотворением «Я с неба звезды не хватал...», и уже эта строка говорит о наступившем для поэта моменте истины. Если в юности его переполняло ощущение надежды и скорого счастья («Я жил мечтой о сказке древней / и, ей внимая, / бредить мог, / что будет у меня царевна / и персональный серый волк»), то теперь пришло понимание обыденности «судьбы такой, / как у многих: / верстать обычные дороги, / вершить обычные дела»³³.

Поэт пытается найти своё место в мире, построенном по законам здравого смысла, и в сти-

хотворении «Подорожник» недвусмысленным образом сравнивает судьбу творца с растущим на обочине растением, «неприметным и некрасивым»: «Вы, люди, топчете меня, / забыв, что я – отнюдь не камень. / Моя зеленая броня / ничто в сравненьи с каблуками»³⁴. Но наступит время, напоминает автор, и «этот самый лист / еще приложите вы к ране». Здесь судьба подорожника окрашена собственными переживаниями поэта, который после телесных искушений юности стремился пробудить душу к творческой активности, найти способ самовыражения и самопознания в главном деле своей жизни – поэзии.

В тот момент некоторые из коллег по поэтическому цеху упрекали В.Смирнова в «прямолинейности», в нежелании следовать по пути словесных экспериментов молодых московских поэтов. В процитированной выше рецензии М.Тарасов призывал В.Смирнова «шагнуть в сторону от традиционной мысли». Но для В.Смирнова, родовые корни которого уходили в старообрядчество, уже во время учёбы в Литературном институте стало очевидным, что «новаторство» А.Вознесенского, Е.Евтушенко и ряда других любителей выступлений перед массовой аудиторией не оправдало возлагавшихся на него надежд. В стихотворении «Шаман», написанном от первого лица и по этой причине ошибочно принятым М.Тарасовым за исповедь самого поэта, нарисован образ возомнившего себя богом человека, который ощутил себя «властелином всех рек, озер, всех сопков и распадов». Завороженные обещаниями «шамана», люди собираются вокруг проповедника, «теснятся, чтобы было видно задним, / и терпеливо ждут и ждут». Но возомнивший себя вершителем судеб людей и народов «шаман» молчит: ему «нечего сказать им»³⁵.

Для В.Смирнова сформировавшееся в детстве и юности патриотическое отношение к жизни определило и пожизненное пристрастие к поэзии гражданской, к поэзии глубоких чувств и широкого кругозора. В стихотворении «Человек без сердца» он с отвращением пишет о поведении черствых, бессердечных людей, для которых «хата – с краю, судьба – с краю». Раньше, в романтических иллюзиях, поэт не замечал обилия таких людей, но теперь словно пелена спала с его глаз и вырвался вопрос: «Ну для кого они, / ну для чего они / синее небо копят усердно?... / Как эти люди живут без сердца?» Лирический герой стихотворения «Не проходите мимо» не может понять необъяснимый поворот в поведении сокурсника, с которым делил в общежитии кров и пищу,

и кто, «правду тая», свернул на «дороги скользкие», где «брали взятки и ввали мило».

По-прежнему кумирами В.Смирнова остаются люди, сохраняющие чистоту чувств, которые не оберегают своих богатств и привилегий, не сравнивают, кто богаче всех других. Радость бытия ждет героев стихотворения «Мы уходим на дальнюю речку...» «в стороне от заезжих дорог», в таежной глуши, где они познают гармонию человека с окружающим миром и где «на сосне, / как на длинном хорее, / неподвижно повиснет луна». Их привлекают простота и естественность, свойственные лесным деревьям или подорожнику на обочине. Созерцание полета улетающих на зимние квартиры птиц, картин листопада, скользящих в волне облаков, очаровывают и утешают героя стихотворения «Сижу, курю...», только вчера вернувшегося из Москвы и сразу удалившегося в родные леса, где «тишина вокруг меня такая, / что если крикну – бурю соберу». Лирический герой другого стихотворения «Синеглазые детские дни...» ради душевного покоя уходит «в поход по дорогам старых скитаний» и, «запалив на юру костер», размышляет под звуки «поющей в порогах» реки о «сокровенном и тайном». Благоразумие и респектабельность жизни «элиты» советского общества представляется герою стихотворения «Годы» слишком незначительным достоинством по сравнению с «неслышимым, невидимым» движением стрелок времени, отсчитывающем оставшиеся человеку годы жизни: «В дверь не войдут – пройдут сквозь стены: нельзя от них запереться».

В свои 28 лет став автором двух поэтических сборников, В.Смирнов не мог не поразиться резким зигзагам в своей биографии и признать, что «в явлениях жизни есть необъяснимость...». В юности всё было намного проще: «В семнадцать лет я не писал про это, / я просто взял дорогу и пошел». Она и привела молодого романтика «в такой простор, что глазом не объять». Повзрослев, поэт понял, что только в реальном обретается истина. Но оставался вопрос, удастся ли ему в этой социалистической реальности сохранить прежний оптимистический взгляд на мир, желание писать новые стихи и развивать данный от природы дар в верном направлении:

*Моя дорога...Где она кончается?
В какие земли путь её лежит?..
Над ней планеты синие качаются
И месяц малой льдинкою дрожит³⁶.*

В целом перечисленные выше молодые мурманские поэты придерживались традиционного способа писания стихов. Но они не могли не видеть, что в общесоюзной поэзии возникает новая литературная ситуация, происходят значительные изменения формы и содержания. «Идет время, меняются условия жизни общества, поэтическое творчество наполняется новым историческим смыслом, – писал в 1961 году Станислав Рассадин. – Появляются новые цели и задачи общественной борьбы, и поэзия связывает с ними свое назначение, своё существование. Со временем изменяются не только цели, но и облик поэтического «войска»³⁷.

В Мурманском книжном издательстве, где отделом художественной литературы руководил Александр Тимофеев, чувствовали эту особенность литературного процесса и ждали автора, сознающего в себе желание искать новую поэтическую речь. И когда к ним пришел вернувшийся из армии с почти готовой рукописью интересных стихов мало знакомый местным поэтам ленинградец Владимир Смирнов (он служил вместе с мурманским художником Б.Шатохиным и был очарован его рассказами о жизни в Заполярье), то они радушно встретили его. Но издательству пришлось заставить автора взять псевдоним: в Мурманске уже выпустил два сборника стихов другой Владимир Смирнов, коренной помор из Териберки. Так появилась первая книга стихов Владимира Семёнова (Смирнова) «Пороги» (Мурманск, 1968). Изданная на мелованной бумаге, в твердом переплете, с рисунками, тиражом в 20000 экземпляров, книга привлекла общее внимание. Стало очевидным, что в поэзию Русского Севера вошел автор со своей стилистикой, почерком, видением мира, отвечавшим современному мышлению.

«Ещё мальчишкой зачитывался его стихами», – вспоминал Владимир Блинов и приводил мнение Александра Городецкого, который считал, что В.Семёнов во времена знаменитой оттепели 1960-х годов «был в числе лучших советских поэтов»³⁸.

Что касается мурманской молодёжи, с которой часто и охотно встречался В.Семёнов, то ей не мог не импонировать облик молодого поэта: улыбчивый, обаятельный, с неизменной гитарой, он легко завоевывал аудиторию. Подзаголовок «Туристская песня» имело и стихотворение «Пороги», давшее название первой книге В.Семенова. В нём рассказывалось о двенадцати молодых туристах, которых лес так «болотами по пояс полонил», что уже возникла мысль, а не

лучше ли вернуться? Надо ли тратить силы, чтоб «выйти на пороги, по которым не пройти?». Из последующих строк стихотворения каждому просвещенному читателю тех лет становилось ясно, что под «болотами» автор подразумевал затхлую провинциальную жизнь, в которой «есть тринадцать способов / увязнуть без трясин. / И биться бесполезнее, чем рыба под лёд». Что же касается авторских симпатий, то они полностью были на стороне молодых туристов, для которых преодоление порогов на реке становится символическим жестом сопротивления «болоту», желания преодолеть постоянно устраиваемые на их пути «пороги» запретов:

*Пороги незаметные,
А выше потолка.
– Не велено, вы зелены, –
Внушает нам урок.
А здесь мы хоть уверены,
Что встанем на порог³⁹.*

Понимая, что рассыпанные по стихотворению образы могут насторожить цензуру и стихотворение будет вычеркнуто из состава сборника, В.Семенов включает в текст написанное не без иронии высказывание: «Мне кажется, ненужное, / вреднее этой песни / я в жизни никогда не написал». На этот раз всё прошло гладко, хотя на протяжении своего творческого пути В. Семенову так везло не часто, цензура его нередко «доставала». «Правок было немало в книгах, изданных в 1960–1970-е годы, – вспоминал он. – В первой книге не то что правили – из неё просто выбрасывали стихи. А у второй книги даже название изменили: вместо «Окружения» получилось «Отражение». И ведь уже оформление книги было полностью готово – с первым названием. В «Отражении» некоторые стихи, чтобы спасти, правил Б.Романов. Я находился в море тогда, а сделать это нужно было срочно»⁴⁰.

Как и героям его «туристской песни», Владимиру Семенову (Смирнову) приходилось в жизни преодолеть немало порогов. Будущий поэт родился в 1939 году в Новгородской области. Война забрала на фронт отца, работавшего бухгалтером в леспромхозе, а семью эвакуировали в Сибирь, куда в 1942 году пришел и отец – уже на костылях, без ноги. Сына он научил читать очень рано: с четырех лет Володя бегло читал и пристрастился к чтению. В 1944 году семья оказалась на Карельском перешейке, под Выборгом. Здесь шестилетний Володя начал ходить в школу, про-

шел первые четыре класса. Еще три проучился в Волховстрое. Пытался поступить в техникум, но мальчику не исполнилось и тринадцати, таких не брали. Согласились принять в Ленинградское артиллерийское училище, но он не прошел по зрению. Поэтому окончил восьмой класс и поступил в Ленинградский механический техникум, по окончании которого был направлен на Украину, на Изюмский оптико-механический завод. Там, работая техником, стал учиться в Киевском заочном политехническом институте. В 1960 году умер отец. Владимир вернулся в Ленинград, к семье. Работал и учился на вечернем отделении Ленинградского политехнического института. Жизнь свела с литературной молодежью Питера, увлекся стихами, начал писать сам. В 1963-м его с пятого курса призвали в армию. Уволившись, отправился в Мурманск, где «бросил якорь» почти на пятьдесят лет⁴¹.

«Очень поздно я поверил / в поэзию / и теперь тороплюсь, / тороплюсь», – писал В.Семенов в стихотворении «Азимут». Прежде чем найти «тот единственный азимут, / где метели первозданные метут», он прошел испытание войной, узнал жизнь «по карточкам» послевоенных лет. Ему пришлось пробиваться к получению образования без надежды на помощь со стороны и без того бедствующей семьи, потерявшей вскоре своего единственного кормильца – инвалида войны. Учиться в техническом вузе довелось заочно, напрягая и без того слабое зрение и не слишком крепкое здоровье. Отделившись от семьи, он познал быт и нравы заводских общежитий и армейской казармы. Утешением на этих этапах его взросления была страстная любовь к литературе, которая и привела молодого человека к вхождению в страну поэзии. «Незадолго до армии прочитал стихи Евтушенко «Со мною что-то происходит...», и это послужило толчком, – вспоминал В.Семенов. – Я понял, что это не просто слова, что стихами можно что-то изменить, что-то сделать с человеком – настолько они потрясли меня»⁴².

В тот переломный для В.Семенова момент он вдруг понял, что поэзия не ограничивается внешними своими проявлениями, что ритмы, тропы – это всего лишь материал для выражения идеалов опыта и судьбы. Молодой человек осознал высшую миссию поэта, слова которого могут превратиться в дела и привнесут гармонию в Природу. «Я на жизнь заготовил, / словно на зиму, / добела раскаленную мечту», – писал В.Семенов в стихотворении «Азимут». Далее он рассказывал о жела-

нии, минуя город, постучаться «в первую попавшуюся деревенскую избу» и прочитав перед осиротевшими после гибели на войне единственного сына стариком и старухой «самое главное» своё стихотворение о героизме их родного человека – с надеждой, что они «благословят меня».

Для сына солдата В. Семёнова героизм народа в Великую Отечественную войну священ и является знаком той внутренней красоты, к которой стремится душа поэта. Избегая условностей обыденного сознания и мысли, поэт в стихотворении «Долина смерти» наполняет свой рассказ о подвиге павших при защите Заполярья мистическим видением схватки добра и зла, возвышая поэзию до настоящей мощи:

*Жизнь и Смерть
в долину стекались,
Жизнь и Смерть
лицом к лицу очутились⁴³.*

В каждой строке стихотворения «Посмертно» дышит чувство русского патриота, который любит свой народ и вместе с ним горюет над жертвами войны, когда «без замужества / незаметно / становилась / девушка вдовой, становилась / мать / одинокой. / Незаметно / горе растила, / Незаметно / гасила окна, / задыхаясь от слез, / Россия. / Посмертно... / Посмертно... / Посмертно...». Разбивка стихотворения на короткие строки, состоящие часто из одного слова, продумана автором для выплескивания чувств во всей их полноте и трагичности.

На жизненный опыт опирается «Стихотворение, которое могло быть не написано». В нём поэт вспоминает, как он жил с матерью в землянке, возле которой стояла зенитка, как он удивлял солдат бойким чтением и любил посидеть в кресле наводчика: «Но по тревоге меня, / как правило, / сразу же / в щель запикивали. / И я орал крестопузой свастики, / товарищам помогая сражаться».

Тема Великой Отечественной войны в цикле стихотворений под общим заголовком «Обелиск» (в том числе «Сын», «Рядом с мальчиком земля простонала...», «Цена тишины») показала интенсивность патриотического чувства поэта, способность глубоко осмысливать не только собственные горести и печали военного детства, но и постигать высшую причину истинной трагедии событий космического масштаба.

Второй раздел книги В. Семенова навеян воспоминаниями о воинской службе. Под общим названием «Полигон» в него вошли девять сти-

хотворений, задуманных и большей частью написанных в часы солдатского отдыха. Такого рода циклы встречаются и у других молодых поэтов-северян, служивших в армии. Четкой отличительной чертой такой поэзии было изображение своего особенного микромира и этического комплекса, сложившегося в солдатском обществе. Что касается В. Семёнова, наделенного склонностью к предельному самовыражению в слове, то в его стихах нет сильно выраженного «воинского» колорита. Служба в армии лишь развила в нём поиск неосознанного до тех пор всеобщего смысла жизни в её высшем значении.

«Баллада о полигоне» привлекает необычным способом выражения тех мыслей и чувств, которые может испытать «человек с ружьём» после плановых стрельб в расположенные на склоне холма бумажные мишени. В воображении лирического героя «расстрелянный» многими очередями холм оживает и, будучи олицетворением подвергающейся натиску цивилизации Природы, смотрит на солдата «настороженно и растерянно»:

*Ты, наученный смертью, знаешь,
Что скрывает бумажный листик:
Удивленно качнутся сосны,
Охнешь ты надрывно, нелепо
И, чужим ослепленный солнцем,
Захлебнешься собственным небом.
Станет грудь раскаленной кашицей,
Застывающей в сизый шлак...
Для тебя оскорбительным кажется
Каждый мой шаг⁴⁴.*

Заканчивается стихотворение просьбой «человека с ружьем» понять и простить неизбежность его действий и обещанием позднее «прийти без задания» к выполняющему функцию полигона холму и «всё объяснить»: «Не смотри ты так! / До свидания. / Я властитель твой. / Я твой раб».

В. Семенов был от природы наделен сильным воображением, которое позволяло поэту создать собственный мир символических образов, опирающийся на мир реальный. Символика стихотворения «Матери» значима оттого, что она непредумышленно переходит от обычного солдатского послания родному человеку в значимый образ молодого поколения времён «оттепели», которое сделало вывод, что «Москва слезам не верит» и надо «становиться опытной и старше»: «Нас обманут, / мы снова взрослеем / и обманываемся на другом».

Судьба старой деревянной платформы военных лет (в те годы она «как совесть была» и «умела страдать со всеми»), которую заменили на «равнодушный и красивый» перрон, дает возможность автору высказать давнюю любовь ко всему, что «прекрасно своим прошлым».

В «Песне вполголоса» по крупному счету идет речь о судьбе России, её «грустных песнях» и причинах, по которым русские «в печали убедительней, в горе неотразимы». В тексте рассыпаны афористические суждения, дающие понять всю горечь раздумий автора: «Время протянет лапищу – песне – не суждено»; «Нынче могилам тесно – хапала короли»; «Мы на расправу скорые – снова вывезет муза»; «Музыка тьмою сжата, рядом слова лежат»; «Громко – только спорят со смертью. / Поют про нее – вполголоса». Эти афоризмы рисуют облик философствующего поэта, который еще не достиг гармонии духовного плана, находится в борьбе с собственной судьбой в стремлении определить свое место в литературе и жизни. Судя по некоторым репликам («Не от бога жизнь» – в стихотворении «Сын»), молодой поэт не нашел себя в религии. Но и служба в армии лишь усилила в нём чувство Апокалипсиса, возможной гибели планеты Земля. Выполняя свой солдатский долг во время дежурства возле заряженной атомным зарядом ракеты, поэт в «Стихотворении, которое я пишу» осознает смертельную угрозу ядерного оружия, но и чувствует неизбежность ответного атомного удара для защиты родной страны: «Я так считаю: / да здравствует смерть, / работающая / на жизнь». С другой стороны, в «Песне вполголоса» он высказывает надежду на благоразумие человечества: «Я верю могучей реке / под именем «Человеческое единство».

В поэзии для В.Семенова ближе эмоциональное, индивидуальное видение мира, далекое от внимания к той обширной области в жизни каждого человека, которая подчинена выполнению производственной деятельности. В стихотворении «...И сошел старик с корабля», посвященном последнему рейсу выходящего на пенсию капитана, автор ни слова не говорит о трудовых достижениях ветерана как мериле человеческой жизни. Для него важнее постигнуть переживания человека, который весь целиком, сердцем своим и разумом, охвачен трагедией ждущего его предельного одиночества: «Оставалось жизнь досчитать. / Говорят, мол, / остатки – сладки... / И текли по его щекам / моря Баренцева / остатки». В судьбе старика поэту видится отрицание обще-

ством глубин человечности, что угрожает самому существованию цивилизации. Об этом – стихотворение «У директора голос обыден...», где оставленная без работы и умирающая в одиночестве пожилая женщина видит сон о жизни в фантастическом будущем. Для стариков в этом печальном будущем выделяют «синеватые и холодные, как лед» города, где они живут «по особым законам» и «потихонечку к финалу идут»: «Ни беды вокруг, / ни счастья, / ни детства... Поселили в этом городе / Старость, / и название у города – / Пенсия». Для поэта отвратителен мир, построенный на бессердечии и расчете, где есть всё, кроме заботы о человеке.

Два процитированных выше стихотворения о Старости вошли в третий раздел книги В. Семенова, не без лукавства названный автором «Золотая рыбка». Судя по всему, двадцать стихотворений раздела написаны поэтом уже после службы в армии и на основе знакомства с обыденной жизнью провинциального общества и с нравами местной литературной элиты, после общения с цензурой, которая сняла из готовящейся к изданию рукописи ряд его стихов. Для человека «прямого действия», каким В.Семенов вступал в поэзию с намерением по примеру Е.Евтушенко изменить стихами жизнь, было шоком стать жертвой аномалии советской цензуры, которая не выбирала между хорошим и дурным вкусом, а требовала от автора действовать согласно незыблемым стандартам «социалистического реализма». При этом автора подвергнувшейся цензуре рукописи даже не ставили в известность о купюрах в тексте, и он бессилён был что-либо предпринять. Молодой поэт с романтическими взглядами на высокие задачи поэзии впервые столкнулся с представляющей власть организацией, которая присвоила себе безраздельное право не считаться с позицией автора. В.Семенов понимал, что его пытаются с первых шагов в литературе лишить индивидуальности, без чего терялся смысл поэтического творчества. И тогда в третьем разделе своего сборника он прибегнул к «эзопову языку», то есть к подцензурному иносказанию, системе «обманных средств», приемов шифровки свободной мысли, которые использовала русская литература с конца XVIII века⁴⁵.

Для поэта неприглядна та безымянная, безлика, лишённая индивидуальности масса, которая безразлична к любому протесту. В стихотворении «Привыкают глаза к темноте...» он не может смириться с послушанием, сформированным в советских людях установлениями партии и госу-

дарства, с идеей подчиненности, которая владеет многими из них с самого детства:

*Привыкают глаза к темноте...
Неужели они привыкают?..
Привыкают и свыкнуться могут,
Если будет и дальше темно?..
Я не верю тому все равно⁴⁶.*

Лирическому герою стихотворения «Песенка флюгера» порой кажется, что его оставила мечта, которая поддерживала в решении посвятить себя поэзии. Его не оставляет ощущение, что он потерял прочную точку опоры человеческого существования, стал склонен к умиротворенности и компромиссу и в этом качестве его судьба «очень напоминает» подвластное «ветров мешанине» сооружение: «Я – флюгер! Я – флюгер». Созданный людьми, флюгер может с легкостью менять свою позицию. Вначале, взирая со своей высоты, он полагает, что «ветры – титаны, а люди – пигмеи». Но тут же меняет мнение. Теперь уже «люди – титаны, а ветры – пигмеи». Заканчивается стихотворение, написанное от имени флюгера (что помогает зашифровать автору рассуждения о судьбе творческой личности в советском обществе), признанием беспомощности и обреченности творца, вынужденного служить переходящей моде в условиях отсутствия свободы печати. И вместе с тем в финале звучит робкая надежда, что в обществе когда-нибудь подует ветер, наполненный живительным дыханием свободы:

*Теперь не ругают меня и не просят.
Эпоха другая – другие вопросы.
И если у бед изменились устои,
То старый ответ никого не устроит.
А ветер посылно бунтует на свете.
– Тебя не просил я, прошу тебя, ветер!
Попробуй, повисни. Не выйдет, так что ж –
А может быть, к жизни меня повернешь⁴⁷.*

В.Семенов не спешит срывать с себя покровы частной жизни, и в его стихах найдешь лишь намеки на пережитые им драмы любовных чувств. В стихотворении «В тридевятом энском царстве...» считавший себя по молодости «мудрее всех любовников земли» солдат спешит после демобилизации к любимой, а оказывается, что «девчонка в белом замке / мудрость лучшую нашла». Золотая рыбка в одноименном стихотворении В.Семенова (давшем название всему разделу) становится символом обреченной себя на одиночество

женщины, которая в ответ на признание в любви отказала моряку ради сохранения жизненного комфорта. Теперь она, «испуганная» одиночеством, мечтает обратить время вспять, но «у судьбы ничего не потребуешь». «Кокетливая и жеманная» девушка из стихотворения «Ева» слишком долго «ходила около» древа познания, а когда сорвала яблоко, то оказалась в больнице: «Яблоко было отравлено». Через всё стихотворение «Столкнули Любовь...» проводится мысль, что «время повязки с любви снимает». И тогда становится понятной пронзительная нота одиночества, которая звучит в стихотворении «Теперь, когда кончается зима...»:

*Привязанность отпугивает нас,
В навязчивость грозя переродиться,
А быть всю жизнь с собой наедине
Достаточно тоскливо, согласитесь,
Хоть ты и совершенство постоянства⁴⁸.*

Разочарование в юношеской мечте «стихами влиять на людей» объясняет название четвертого раздела («Недосказ») книги стихов В.Семенова и включение в него «Сказочки о вдовствующих принцессах» и «Сказочки о международных отношениях». Оба произведения по духу своему близки к «ироническим стихам» Николая Тихонова⁴⁹. В стихотворении Н.Тихонова «Мавр» нарочито приземляется история героев шекспировской трагедии («Дездемону еще я понимаю, / но Мавра вот никак я не пойму»). В «Сказочке о вдовствующих принцессах» В.Семенов обыгрывал историю трех девиц из пушкинской «Сказки о царе Салтане», мечтавших стать царицами. Не без озорства рассказывал поэт о жизни трех принцесс в «коммунальном царстве» под присмотром управдома. Во второй «сказочке» с иронией рассказывалось о некоем властителе государства, которому стало не хватать в своей стране места, «чтоб поиграть в пятнашки», и он велел войску «перейти границу подлого соседа». Каждого солдата вооружили хворостинной, а владыке преподнесли личное оружие – «хворостину с позолотой», после чего с «гиканьем и свистом» войско ушло в поход:

*Уходило громко.
Возвращалось тихо.
Очень, очень тихо
Было этой ночью.
Только королева до утра ломилась
За живой водою в двери профсоюза⁵⁰.*

Здесь уже ироническая насмешка перерастает в сарказм. Автор успешно пользуется лукавством иносказания, памятуя, что «сказка – ложь, да в ней намек, добру молодцу урок».

В четвертом разделе книги стихов В.Семенова под названием «Лужские наговоры» и подзаголовком «Разрозненный мемориальный цикл, несколько точек зрения» ироническое отношение реализуется через контрастное соединение различных речевых стилей, пародию, гротеск, игру словами. В.Семенов может сочинить первый вариант стихотворения «Так поёт речка» в духе свойственной такого рода произведениям торжественной величавости («Сосредоточием мира покоя / движутся воды, / морями влекомые»). А затем предложить стихотворение «А может быть, вот так...» с иным вариантом, исполненным в духе фольклорной словесности («Одари, земля, / полной правдою, / одолей мольбы / многолетние»). Но и на этом не кончаются словесные игры молодого поэта. Следует еще один вариант – «А может быть, и вовсе так», а за ним – «Опровержение № 1», «Опровержение № 2», которые, являясь самостоятельными произведениями, выражают в смысловом отношении «несколько точек зрения» молодого поэта, начиная с восхищения природой севера и до церемонии открытия памятника павшим. Эта словесная игра близка универсальной романтической иронии западноевропейских поэтов (Дж. Байрон и др.), когда те, «не будучи связанными никакой окончательной «истиной», свободно переходили от одного мнения к другому, подчеркивая относительность и ограниченность всех установленных человеком «правил»»⁵¹. Но такая свобода мнений с подозрением воспринималась в советском обществе. Вторая книга стихов В.Семенова «Отражение» была издана в Мурманске лишь через семь лет.

30 ноября 1978 года было учреждено Мурманское областное отделение Союза писателей РСФСР. В него вошли Б.Романов (ответственный секретарь), В.Тимофеев (заместитель ответственного секретаря), В.Маслов, Б.Блинов, Л.Крейн, В.А.Смирнов. В том же году был принят в Союз писателей и В.П.Смирнов (Семенов).

В 1960-е годы эти литераторы один за другим вначале принимались в Союз писателей Карелии и формально числились членами этой писательской организации, платили здесь взносы, участвовали в писательских собраниях, печатались в журнале «Север». В этом отношении для мурманских литераторов Карелия стала своего рода

приёмной матерью, бережно растившей кадры литераторов Заполярья и давшей путевку в жизнь писательской организации Мурманской области.

Примечание

¹ Коржов Дм. Стихами можно человека изменить! // Мурманский вестник. 2009. 17 декабря.

² Отрывки из стихотворений В. Исаенко, В.Петруничева, А. Шепелева, В.Тимофеева цитируются по книге: Заполярье – земля поэтов. Мурманск, 1964. С.30, 61, 94,79.

³ Исаенко В. Акации // Искренность. Сб.стихов молодых поэтов Заполярья. Мурманск, 1965. С. 26.

⁴ Там же. С.36.

⁵ Шепелев А. Пятна давно заштрихованы белые... // Искренность... С. 113.

⁶ Ганин И. Оправдание жизни Тимофеев видел в работе // Комсомольская правда. Мурманский выпуск. 2014. 1 сентября.

⁷ В сб.: Искренность...С.124.

⁸ Там же. С.111.

⁹ Тимофеев В. Площадь Пяти углов. Мурманск, 1967. С.46.

¹⁰ Тимофеев В. Из цикла «Песни Атлантики» // Тимофеев В. Площадь Пяти углов... С.27.

¹¹ Лявданский Э. Движение // Север. 1980. №11. С.125.

¹² Тимофеев В. Площадь Пяти углов... С. 33, 51,44.

¹³ Там же. С.47.

¹⁴ Там же. С.57.

¹⁵ Там же. С.58.

¹⁶ Сорокажердьев В. Здесь ясен горизонт...Мурманск, 2007. С.258.

¹⁷ Соколовский А. Полярный день // День поэзии Севера. Петрозаводск, 1968. С.194.

¹⁸ Сорокажердьев В. Здесь ясен горизонт... Мурманск, 2007. С.273 – 275.

¹⁹ День поэзии Севера. Архангельск, 1968. С.67.

²⁰ Меерович А., Гречишников Н. Страница биографии // Солёный огонь. Мурманск, 1965. С.3.

²¹ Тимофеев В. Что остается людям... // Север. 1999. №4. С.143.

²² Там же. С.144.

²³ Харчев В. Тревога над морем // Север. 1972. №2. С.116.

²⁴ Романов Б. Возвращение // Романов Б. Солёный огонь. Мурманск, 1965. С. 22.

²⁵ Романов Б. Я за то, чтобы утром у края дорог... // Там же. С.15.

²⁶ Предисловие от издательства / / Я землю эту люблю. Мурманск, 1967. С.5.

- ²⁷ Там же. С.53.
²⁸ Бондаренко В. Дети 1937 года. М., 1937. С.12, 20.
²⁹ Цит. по: Коржов Д. Был щедр на тепло и доброе слово // Мурманский вестник. 2012. 29 сентября.
³⁰ Смирнов В. Таёжные маяки. Мурманск, 1962. С.5.
³¹ Там же. С.54-55.
³² Тарасов М. «Подотчетный и доверенный» // Север. 1966. №6. С.154.
³³ Смирнов В. «Я с неба звезды не хватал...» // Смирнов В. Жизнь, которой живу. Мурманск, 1966. С.5.
³⁴ Там же. С.38.
³⁵ Там же. С.63-64.
³⁶ Смирнов В. «В явлениях жизни есть необъяснимость...» // Там же. С. 50.
³⁷ Рассадин С. Как читать и понимать стихи. М., 1961. С. 4.
³⁸ Блинов В. Жизнь замечательных людей // <http://vlast-murmanska.ru>.
³⁹ Семенов В. Пороги. Мурманск, 1968. С.104.
⁴⁰ Коржов Д. Стихами можно человека изменить! // Мурманский вестник // 2009. 17 декабря.
⁴¹ Биография В.Семенова цитируется по тексту, составленному со слов В.Семёнова // Владимир Семенов – биография, книги, отзывы, цитаты // WWW.Livelib.ru
⁴² Коржов Д. Стихами можно человека изменить! // Мурманский вестник. 2009. 17 декабря.
⁴³ Семенов В. Пороги. Мурманск, 1968. С.17.
⁴⁴ Там же. С.50.
⁴⁵ Григорьев В.П. Эзопов язык // Литературный энциклопедический словарь. М., 1987. С.504.
- ⁴⁶ В кн.: Семенов В. Пороги. С.61.
⁴⁷ Там же. С.75-76.
⁴⁸ Там же. С.77.
⁴⁹ Тихонов Н. Иронические стихи // Литературная Москва. Сб.2. М., 1956. С.499-501.
⁵⁰ Семенов В. Сказочка о международных отношениях // Семенов В. Пороги...С. 102.
⁵¹ Н.Р. Ирония // Литературный энциклопедический словарь. М., 1987. С. 132.

Юрий Иванович ДЮЖЕВ.

*Литературовед, литературный критик,
доктор филологических наук,
главный научный сотрудник
Института языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН.*

В результате многолетней работы Ю.И. Дюжевым были подготовлены и опубликованы пять библиографических указателей, пятнадцать монографий и сборников статей, в которых он вынес на обсуждение узловые проблемы развития русской литературы Европейского Севера и дал очерки творчества ведущих писателей региона. Лауреат премии РК в области культуры, искусства и литературы (2002), лауреат премии «Сампо» главы РК (2009). Отмечен званиями «Заслуженный деятель науки РК», «Заслуженный работник культуры России». Член Союза писателей России с 1977 г.

